
ПРОБЛЕМЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РОССИИ В СВЕТЕ ЗАДАЧ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В.А. Шупер

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

Продолжающееся расширение Европейского Союза (ЕС) приводит, по мнению автора, к уменьшению устойчивости и снижению экономической эффективности этой интеграции. Упадок демократии в современном мире в результате размывания среднего класса и других последствий постиндустриальной трансформации не позволяет считать, что ЕС находится на восходящей ветви траектории. Между тем ось мирового развития перемещается из Атлантического региона в Тихоокеанский. В этих условиях самым существенным дефектом геополитического положения России становится ее крайняя слабость на Дальнем Востоке, что обуславливает одностороннюю ориентацию на ЕС в модернизации страны, хотя Китай, Япония и «Пять малых драконов» также могли бы быть базой ее модернизации.

Ключевые слова: геополитическое положение, догоняющее развитие, эффективность интеграции, чередование интеграционных и дезинтеграционных циклов, вариантность будущего.

Выбор наиболее предпочтительной траектории развития для страны требует анализа всех возможных альтернатив и сомнения в каждой из них. Между тем позиции наиболее видных исследователей проблем глобализации и постиндустриальной трансформации зачастую вызывают опасения утраты именно этого критического духа, принятия какой-то одной траектории в качестве единственно возможной или как минимум единственно желательной. Наиболее влиятельный исследователь проблем постиндустриальной трансформации в нашей стране — В.Л. Иноземцев — считает европейский выбор неременным условием успешной модернизации России, хотя ранее он писал, что догоняющее развитие в постиндустриальную эпоху вообще невозможно [1]. Рассмотрев проблемы догоняющего развития на материале Японии и Южной Кореи, а также некоторых других новых индустриальных стран, В.Л. Иноземцев приходит к выводу о том, что «залогом успешного развития стран „третьего мира“ станет в XXI веке их взаимодействие с постиндустриальным миром и поступательное движение по тому пути, который уже был пройден развитыми державами. Монополярный мир, формирующийся сегодня, определяет и относительно монолинейный путь освоения достижений постиндустриализма. В этой связи мы не можем не уделить особого внимания оценке исторических перспектив России — страны, которая на протяжении последних двух столетий предприняла не одну и не две модернизаторские попытки, принесшие, однако, совершенно неудовлетворительные результаты» [1. С. 257].

Понятно, что при таких посылах вывод об исторической необходимости интеграции России в ЕС, причем на любых условиях, даже не очень выгодных и не очень почетных, практически неизбежен. Однако следует отметить, что кол-

леги В.Л. Иноземцева из ИМЭМО РАН в настоящее время уже явно не придерживаются мнения о невозможности догоняющего развития в постиндустриальную эпоху, напротив, они считают, что Тайвань, Южная Корея, Китай, Индия, не говоря уже о Японии, становятся лидерами научно-технического развития во многих важных областях. Следует также учитывать продолжающееся перераспределение экономической мощи в пользу Китая, а в дальнейшем и Индии. Если смена лидеров мирового развития по-прежнему возможна, то остается и возможность догоняющего развития, которое всегда может быть только развитием обгоняющим, срезающим петлю на пути, проделанном лидерами. Соответственно перестают быть адекватными представления о «монолинейном» пути развития, появляется вариантность исторического выбора.

Разумно предположить, что решение задач догоняющего развития требует от нас интеллектуальной эмансипации, формирования собственного взгляда на мир, в то время как сейчас мы не смеем выйти за пределы той повестки дня, которая сформирована Западом. Если просвещенный Запад считает, например, что вопросы демократии и прав человека в России заслуживают осуждения, а война в Ираке — нет, значит, так тому и быть. Между тем сама возможность построения демократического общества в Ираке должна вызывать куда больше сомнений, чем перспективы российской демократии. При этом наиболее фундаментальная проблема вовсе не в двойных стандартах, о которых немало говорится на разных уровнях, а в упадке демократии как таковой в условиях постиндустриальной трансформации. Это и размывание среднего класса, и сужение публичной сферы, в которой люди служат именно обществу, а не бизнесу или государству, и деградация местных сообществ, а вместе с ними и прямой демократии в результате перемещения жизнедеятельности из реального пространства в виртуальное, и весьма сомнительная преданность демократическим ценностям нового правящего класса — класса творцов информационных технологий. Эти тенденции подробно описываются Ю. Хабермасом, М. Кастельсом, Ф. Уэбстером, а у нас — опять же В.Л. Иноземцевым. Однако осознание этих весьма опасных и набирающих все большую силу тенденций несколько не мешает В.Л. Иноземцеву быть не просто сторонником, а пламенным пропагандистом вступления России в ЕС.

Перспективы ЕС в свете чередования интеграционных и дезинтеграционных циклов. Стремление к вхождению в любую интеграцию должно сопровождаться трезвым анализом ее перспектив, и есть много оснований считать, что вопреки распространенному представлению ЕС не находится сейчас на восходящей ветви траектории. Уже отмечено угасание западной демократии, а вместе с ней и тех великих принципов свободы и ответственности, на которых, как нам представляется, зиждется сама западная цивилизация и от которых она постепенно избавляется. Эрнандо де Сото совершенно справедливо указывал, что Россия, как и многие страны сопоставимого уровня экономического развития, не получила того наследства, которое получили либералы развитых стран, у которых в силу этого практически нечему учиться [2]. У нас постоянно повторяют, что крайняя неразвитость институтов, обеспечивающих функционирование рынка наряду с инфраструктурными ограничениями и недостатком рабочей силы, — главный

тормоз экономического развития страны. Однако в реконструкции этих институтов, которая не может не быть трудной и безболезненной, мы едва ли сможем получить помощь из Брюсселя. Эта задача может быть решена только нашими собственными усилиями.

Особенно важно отметить, что ЕЭС создавалось не по экономическим, а по политическим причинам. Государственные мужи послевоенной Европы, такие как К. Аденауэр (1876—1967), Р. Шуман (1886—1963), Ж. Монне (1888—1979), А. де Гаспери (1881—1954) были озабочены созданием такого политического порядка в Европе, который сделал бы невозможным повторение войны. Средством достижения этой возвышенной цели была избрана экономическая интеграция. Между тем любая экономическая интеграция имеет свои пределы эффективности. Талантливый отечественный экономгеограф Б.Н. Зимин (1929—1995) считал исключительно успешной интеграцией «шестерку», подписавшую Римский договор, но уже вступление в ЕЭС Англии в 1973 г., по его мнению, способствовало снижению экономической эффективности [3]. Понятно, что неуклонное расширение ЕС, включающего в себя страны, крайне разнородные по своему уровню развития, обусловлено чисто политическими, точнее, геополитическими мотивами. Логично предположить, что ЕС повторит судьбу всех предыдущих империй и чем быстрее он будет расширяться, тем ближе будет его конец. Утверждать, что ЕС нельзя рассматривать как империю, поскольку он создавался и создается на сугубо добровольной основе, едва ли корректно, ибо и империи далеко не всегда расширялись путем завоеваний. Хотя сейчас в Тбилиси и открыт Музей оккупации, по-видимому, все же был ближе к истине великий поэт, писавший, что Грузия стала «процветать за гранью дружеских штыков». Даже покорение (если здесь это слово вообще уместно) Средней Азии, продолжавшееся два десятилетия, стоило русской армии 4 тысяч убитых, из которых половина — потери одного сражения — при Геок-Тепе [4]. Это явно меньше потерь последней войны в Чечне, не говоря уже об Афганистане. Отметим, что вопрос о влиянии расширения ЕС на экономическую эффективность этой интеграции фактически не обсуждается в научном сообществе, поскольку чреват неожиданными и неполиткорректными выводами.

Угасание демократии в условиях постиндустриальной трансформации зримо проявляется и в сомнительных методах реформирования ЕС. Народы наиболее развитых стран буквально силком заталкивают во все более глубокую политическую интеграцию, и об этом можно было бы сказать немало саркастических слов, если, разумеется, не считать, что о Западе следует говорить либо хорошо, либо ничего. В любом случае трудно не вспомнить Б. Брехта (1898—1956), сказавшего очень давно и совсем по другому поводу, что, если народ утратил доверие правительства, правительство распустит народ и выберет себе другой народ. При этом ЕС весьма напоминает СССР и СЭВ в том отношении, что наиболее развитые страны проигрывают от такой интеграции, а наименее развитые — выигрывают. Перед Второй мировой войной душевой ВВП в Чехословакии был выше, чем в Швейцарии, в Польше — выше, чем в Италии [5]. В Эстонии в 1940 г. было

34% городского населения, в то время как в Финляндии уже в 1950 г. — всего 32%. Не мудрено, что в 1956 г. жители Хельсинки смотрели таллинское телевидение — своего еще не было. Однако уже к концу 1960-х гг. «стартовало» экономическое чудо, и Финляндию стали именовать «северной Японией». В то же время в Болгарии именно благодаря интеграции в рамках СЭВ была создана современная промышленность, огромным был прогресс науки и высшего образования. Многие важные достижения периода «развитого социализма», к сожалению, были утрачены. Теперь, будем надеяться, Болгарии очень пойдет на пользу членство в ЕС. Республикам Средней Азии, ныне именуемой Центральной, хотя географический центр Азии находится в Туве, безусловно, потребуется еще немало лет, чтобы выйти на тот уровень развития, которого они достигли к концу существования СССР.

Б.Н. Зиминым были также заложены основы теории чередования интеграционных и дезинтеграционных циклов в развитии мирового хозяйства, получившей дальнейшее развитие в работах Л.М. Синцера [6]. Первый глобальный интеграционный цикл начался в середине XIX в., когда и сложилось мировое хозяйство как целостная система (причем рождение ее было ознаменовано первым мировым экономическим кризисом в 1857 г.) и продолжался до Первой мировой войны. По нынешним временам даже трудно представить, что в 1913 г. мир был во многих отношениях несравненно более интегрированным, чем сейчас, когда просвещенная Европа прямо-таки упивается своими достижениями в области интеграции. Достаточно напомнить, что визы были изобретены только после Первой мировой войны, до этого их просто не существовало.

Первый глобальный дезинтеграционный цикл 1914—1945 гг. имел глубокие объективные причины, рассмотрение которых могло бы стать предметом отдельной статьи. Эти причины не осознавались современниками, и лучшие представители интеллектуальной элиты, сформировавшейся в те времена, когда можно было объездить весь мир, имея в качестве единственного удостоверения личности свою визитную карточку, стремились к восстановлению того мирового порядка, который считали естественным и разумным. К сожалению, их благородные усилия были заведомо обречены на провал, второй глобальный интеграционный цикл начался только после окончания Второй мировой войны. Сейчас также появляется все больше признаков приближения нового дезинтеграционного цикла, прежде всего это рост протекционизма по всему миру — провал Дохийского раунда переговоров в ВТО только лишнее тому доказательство — и прогнозирование развития России и ее места в мире явно требует учета этого процесса. Докатившийся уже и до нашей страны финансовый кризис, безусловно, приведет к дальнейшему усилению протекционизма. Вопрос состоит в следующем: *должна ли Россия стремиться к интеграции с Западом в условиях нарастающего протекционизма и объективного перераспределения весов в мировой экономике в пользу азиатских стран или же следует стремиться к интеграции с Китаем и Индией*, хотя нынешняя интенсивность связей с Индией и не дает оснований для подобных планов (объем торгового оборота с Индией на порядок меньше, чем с Китаем)?

Не следует полагать, что только Запад (и в первую очередь ЕС) может быть базой модернизации России и, соответственно, только на него следует делать ставку. Во-первых, необходимо учитывать очень быстрый рост экономической мощи стран Восточной и Южной Азии, наличие в этих странах огромных инвестиционных ресурсов, а главное — высокий уровень развития современных технологий. К тому же указанные страны не менее ЕС заинтересованы в поставках энергоносителей и сырья из России. Во-вторых, взаимоотношения с этими странами, кроме Японии, имеющей территориальные претензии к России, носят более прагматичный характер и свободны от попыток экономического и политического диктата вроде требований присоединения к Энергетической хартии. В-третьих, успешное развитие наукоемких отраслей в России будет в меньшей степени испытывать острую конкуренцию со стороны этих стран, нежели стран ЕС. Не случайно планируется создание нового магистрального лайнера совместно с Китаем (хотя еще не решен вопрос, будет он российско-китайским или китайско-российским), а истребителя пятого поколения — с Индией. «Несовершенство налогового климата и системы образования в ЕС, — пишет директор Центра европейских исследований ГУ—ВШЭ Т. Бордачев, — ведет к тому, что европейские инвесторы стремятся в Китай, Индию, США и страны Юго-Восточной Азии. Вряд ли поэтому кто-либо в Евросоюзе будет осознанно поощрять развитие российского направления оттока денег из европейской науки» [7].

Наконец, необходимо учесть и существеннейшие различия в геополитическом положении России и Украины, сделавшей выбор в пользу вступления в НАТО и ЕС. Разумеется, Украину охотно примут в НАТО, а со вступлением в ЕС придется подождать, возможно, не меньше, чем Турции, но Украина имеет на своих западных рубежах ЕС, пусть и представленный не самыми развитыми странами, а на восточных — Россию. При этом западные области Украины развиваются динамичнее восточных, значительно более индустриальных, что связано как с благотворным влиянием ЕС, так и с перераспределением средств с востока на запад, в результате которого «прозападные» регионы отчасти поднимаются на деньги «пророссийских» [8]. Совсем в ином положении Россия, имеющая на западных рубежах Украину, которую сейчас всеми силами стремится обойти газопроводами с севера и с юга, а на восточных — вторую экономику мира, которая в обозримой перспективе может стать первой, да еще Японию и «Пять малых драконов». В этой ситуации главная геополитическая проблема России — ее крайняя слабость именно на Дальнем Востоке, и ниже мы остановимся на этом подробнее.

Если во времена Петра I не было цивилизованного мира, кроме Европы, а сейчас Европа нам много ближе, чем США и в чисто пространственном отношении, и в культурно-психологическом, то это не значит, что мы должны идеализировать ЕС. Самое дорогое строительство — это строительство воздушных замков. Прежде всего следует отметить, что концентрирующий огромную экономическую мощь ЕС все больше начинает страдать такими американскими болезнями, как лицемерие и двойные стандарты во внешней политике, культурный

империализм, а также готовность применять силу в международных отношениях, если это не чревато серьезными потерями. Даже европейский шовинизм уже пускает ростки в душах высоколобых интеллектуалов, которые настолько упоены вновь образовавшейся мощью, что считают «экономическую массу» ЕС вместе со Швейцарией и Норвегией («Европа двадцати девяти»).

Тихоокеанская ось развития. Ось мирового развития перемещается из Атлантического океана в Тихий. Это проявляется и в весьма динамичном развитии тихоокеанских штатов США, а также канадской Британской Колумбии (при этом атлантические провинции Канады давно и устойчиво стагнируют) и Мексики — второй по объему экономики Латинской Америки, и в успехах других (кроме США и Канады) постиндустриальных стран Тихоокеанского региона — Японии (1), Тайваня, Австралии, Новой Зеландии. Однако на первое место должна быть поставлена, конечно же, гигантская «экономическая масса» Китая, в сравнение с которой не идут даже вместе взятые Индонезия, Малайзия, Таиланд, Вьетнам и Филиппины, хотя экономический потенциал каждой из этих стран весьма значителен, особенно с учетом перспектив их развития. Представляется наиболее вероятным, что именно «тихоокеанские инвестиции» могли бы принести России наиболее существенный и надежный доход. Один из виднейших отечественных экономгеографов И.М. Маергойз (1908—1975) выступил с довольно неожиданной для начала 1970-х гг. идеей использовать исключительно выгодное (уже тогда!) экономико-географическое положение Дальнего Востока для его ускоренного развития, с тем чтобы в дальнейшем сделать его второй базой освоения Сибири, осваиваемой в этом случае как с запада, так и с востока [9].

Между тем фундаментальный дефект геополитического положения России состоит именно в ее крайней слабости на Дальнем Востоке, и это похуже утраты балтийских и черноморских портов. Шанс его форсированного освоения в 1970-е гг. при значительно более благоприятной демографической ситуации был, к большому сожалению, упущен. Ныне население страны сокращается, и привлечь необходимые для развития этого обширнейшего региона кадры из европейской части России нереально даже при весьма щедром финансировании. При этом сейчас на повестке дня уже не только задача возможно более успешного использования преимуществ экономгеографического положения Дальнего Востока, но и задача простого сохранения этих территорий в составе России. Решению этой последней задачи никоим образом не способствует ни консервация нынешнего положения, ни слабая миграционная политика, предоставляющая достаточно легкий доступ в эти районы практически всем желающим там поселиться, включая, разумеется, и китайцев. В современном мире, увы, невозможно исключить развитие событий по косовскому сценарию, если китайцы станут этническим большинством.

Было бы разумно проводить на Дальнем Востоке сильную демографическую политику, обеспечивающую его динамичное экономическое развитие, но исключая возможность формирования такого этнического состава населения, ко-

торый потенциально может создать угрозу территориальной целостности страны. Славянские народы вполне могут к середине столетия или даже раньше перестать быть этническим большинством в Приморском и Хабаровском краях, некоторых областях Дальнего Востока, однако и белые американцы уже не составляют большинства населения на Гавайях, равно как и англо-канадцы — в Британской Колумбии, но это никак не отражается на американском или канадском суверенитете. На подходе уже и Калифорния, что тоже никого особенно не пугает. Задача должна состоять не в том, чтобы предотвратить превращение русскоязычного населения в этническое меньшинство, а в том, чтобы предотвратить формирование другого этнического большинства, и именно на это должна быть направлена демографическая политика. Весьма желательно привлечение вьетнамцев, нет видимых причин воздерживаться и от использования гигантского демографического потенциала Южной Азии — Индии, Пакистана, Бангладеш.

Ближний, но незнакомый Иран. Развитие современной экономики на Дальнем Востоке, пусть и не постиндустриальной по своему характеру, но глубоко интегрированной в мировое хозяйство, причем не только в качестве поставщика сырья и продукции первых переделов, требует привлечения высококвалифицированной рабочей силы. Огромные трудовые ресурсы, вполне подходящие по уровню квалификации, причем по доступной нам цене, находятся у нас, можно сказать, под боком, но мы, выражаясь словами В.С. Черномырдина, не можем видеть их в упор в силу отсутствия собственного, отличного от западного, взгляда на вещи. Речь идет об Иране, население которого составляет половину российского. Иран — типичная индустриальная страна, для него характерны как высокий образовательный уровень населения, во всяком случае, в крупных городах, так и высокая безработица, в том числе и среди технической интеллигенции. Только политическая предвзятость мешает воспользоваться этим полезнейшим ресурсом. Иранцы привыкли жить, работать и учиться в несравненно более жестких условиях, нежели россияне, довольствоваться существенно более скромной оплатой труда. Они свободно выезжают за границу, и весьма многие покидают родину в поисках лучшей доли. Руководство Исламской Республики явно предпочтет отъезд сограждан в Россию эмиграции, например, в США, где в Лос-Анджелесе группируется иранская оппозиция, а потому будет склонно к сотрудничеству, без которого программа масштабного привлечения квалифицированных кадров едва ли может быть успешной.

Разумеется, Россия, также как и страны Запада, не заинтересована в том, чтобы Иран пополнил клуб ядерных держав, но если идеология стала всего лишь подспорьем в геополитической борьбе за влияние и ресурсы, то не следует ли нам исходить прежде всего из наших долгосрочных интересов в Иране? Иранское руководство не слишком популярно в своей собственной стране, которую, безусловно, ждут серьезные перемены, а Россия должна строить свою политику на иранском направлении таким образом, чтобы любые политические изменения имели возможно меньшие последствия для двусторонних отношений. Надо хорошо пред-

ставлять, что Иран — мощная региональная держава, имеющая серьезные амбиции в сфере своего реального или потенциального влияния. Столкновение интересов едва ли позволит установиться особо теплым отношениям между Ираном и странами Запада, даже в случае изменения политического режима в Иране. Тем более трудно предположить, что Иран откажется от попыток создания ядерного оружия, не получив ничего существенного взамен, например международные гарантии безопасности, какой бы ни была власть в этой стране. Россия же может существенно усилить свое влияние в Иране, привлекая большое число квалифицированных специалистов для работы в нашей стране, причем не только на Дальнем Востоке. Наконец, стремительное ухудшение отношений с Грузией заставляет думать об иранских портах на Каспии как о единственном надежном канале для снабжения Армении.

Необходимо понять, что только смелый и непредвзятый взгляд на проблемы современного мира может привести к успешным поискам достойного места в нем для нашей страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Рассуждая о необходимости политической демократии для развития экономики, у нас не всегда вспоминают, что в Японии весь послевоенный период, правда, с восьмимесячным перерывом, правит либерально-демократическая партия, ну а о том, в какой из наших стран СМИ более зависимы, можно спорить. Может, важнее демократии эффективность судебной системы, которая, например, в Китае явно менее коррумпирована, чем у нас, да и полиция, скорее всего, тоже.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. — М.: Логос, 2000.
- [2] *Эрнандо де Сото.* Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. — М.: Олимп-Бизнес, 2004.
- [3] Размещение производства в рыночной среде. Из трудов Б.Н. Зимина / Сост. А.П. Горкин, Ю.Г. Липец. — М.: Альфа-М, 2003.
- [4] *Любищев А.А.* Расцвет и упадок цивилизации. — М.: Алетейя, 2008.
- [5] *Киссинджер Г.* Дипломатия. — М.: Ладомир, 1997.
- [6] *Синцеров Л.М.* Длинные волны глобальной интеграции // Мировая экономика и международные отношения. — 2000. — № 5. — С. 56—64.
- [7] *Бордачев Т.* Саммит Россия-ЕС: Найти формат // Ведомости. — 28.06.2008. — С. А4.
- [8] *Вардомский Л.Б.* Некоторые особенности экономического развития российско-украинского порубежья. Унаследованные социально-экономические структуры и переход к постиндустриальному обществу. — М.: ИГ РАН, 2007. — С. 308—324.
- [9] *Маергойз И.М.* Уникальность экономико-географического положения советского Дальнего Востока и некоторые проблемы его использования в перспективе // Вестник Московского ун-та. — Сер. V. География. — 1974. — № 4.

RUSSIA'S GEOPOLITICAL SITUATION IN THE LIGHT OF ECONOMIC MODERNIZATION TASKS

V.A. Shuper

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 177198

The steady extension of European Union, according to the opinion of the author, results in decreasing of the integration stability and its economic efficiency. Democracy decline in the contemporary world doesn't permit to consider European Union keep to the ascending trend either. At the same time, the axis of the world development is moving from the Atlantic to the Pacific Ocean. Under these circumstances the main defect of Russian geopolitical position is its extreme weakness particularly in the Far East region. This condition forces to one-sided orientation toward European Union model in the country modernization, though China, India, Japan and "Five small dragons" could be considered as the base of modernization too.

Key words: geopolitical situation, overtaking development, integration efficiency, cycles of integration and disintegration alternation, variance of future.